

В последнее время атмосфера в Павильоне Голубого Ветра отличалась от обычной. Хвамей больше не пели. Майна больше не кричала «лекарь Линь», а молодой мастер Хоу... увял.

Его увядание было не только физическим, но и эмоциональным. Больше не было ни прогулок с птицами, ни созерцания цветов, ни игр в тоуху. Глаза закрыты, тело парализовано – он отрекся от всех мирских желаний.

Все остальные слуги Павильона Голубого Ветра очень любили своего хозяина. Молодой мастер Хоу был очарователен и великодушен. Он часто находил забавы, которые радовали и веселили его, а вместе с ним – и слуг. С его увяданием двор становился все более мрачным и унылым, и не было слышно ни радостных голосов, ни смеха.

Хуа Лу и Хуань Тун были ближе всех к хозяевам и острее всего ощущали перемены. Они согласились, что молодой мастер Хоу и шаоцзюнь, похоже, поссорились. И теперь супруги игнорировали друг друга.

Хуань Тун уверенно сказал: «Молодой мастер Хоу, должно быть, разозлил молодого хозяина нашей семьи».

Основываясь на его наблюдении, молодой мастер Хоу был не в состоянии контролировать свой язык в присутствии молодого хозяина его семьи, из-за чего его молодой мастер сердился. Затем он с улыбкой дергал Линь Цинью за рукав и извинялся. Хуань Тун не мог понять, зачем тот это делал.

Хуа Лу вздохнула.

«Говорят, муж и жена ссорятся у изголовья кровати и мирятся в ногах*. Я надеюсь, что они скоро помиряются».

[Примечание: Для пар неизбежно ссориться, только путем правильной ссоры можно разрешить противоречия и установить более гармоничные отношения.]

Хуань Тун в одном предложении раскрыл всю правду: «Хотя они никогда не спали на одной кровати».

Линь Цинью знал, что Лу Ваньчэн хандрит, но действительно не понимал, почему. То, что он не уведомил заранее Лу Ваньчэна о побочных эффектах лекарства, было его ошибкой, но, если бы он не использовал эти травы, а следовал изначальному рецепту отца, то после приема лекарства Лу Ваньчэну пришлось бы страдать от невыносимой боли. По сравнению с этим, что такое небольшая эректильная дисфункция? Самое важное, что даже если бы у Лу Ваньчэн вставало, он был не в состоянии воспользоваться этим, ведь он сам сказал, что ему лень двигаться.

Если бы только Лу Ваньчэн мог быстро осознать это и взбодриться...

Почти полмесяца шел дождь, и в кабинете появился затхлый запах, который портил настроение при чтении. Линь Циньюй приготовил немного благовоний, которые удаляли влагу. Он попросил слуг зажечь их в каждой комнате. Затем он приказал нескольким слугам вынуть заплесневелые книги из книжных шкафов и разложить их перед жаровней для просушки.

В кабинете кипела бурная деятельность. Линь Циньюй был не в настроении читать и помогал слугам с уборкой. Он небрежно открыл экземпляр «Путевых заметок Линьяня» и увидел комментарии, написанные чернилами на полях. Он спросил: «Это книга молодого мастера Хоу?»

Хуа Лу оглянулась и сказала: «Да, в прошлом году молодой мастер Хоу все время читал эту книгу. Он даже сказал мне, что хочет поехать в Линьянь, чтобы посмотреть пейзажи к югу от реки Янцзы».

Линь Циньюй нахмурился.

«Это он написал эти заметки?»

«Совершенно верно».

Линь Циньюй повнимательнее присмотрелся к этой строке слов. Чем больше он смотрел, тем больше чувствовал, что что-то не так.

Иероглифы в предыдущем письме Лу Ваньчэна Вэнь Гогуну были похожи по форме и внешнему виду на его каллиграфию в прошлом году. Но по духу они сильно различались. Это выглядело так... как будто он намеренно подражал этому почерку. Конечно, форму иероглифов можно было скопировать, но очарование и изящество штрихов отражали настроение и характер человека. Независимо от того, насколько схожа «форма», всегда будет разница в «духе».

Линь Циньюй долго размышлял и спросил: «Молодой мастер Хоу уже встал?»

Хуа Лу сказала: «Он встал полчаса назад. Мастер Гогун распорядился, чтобы сюда прислали нескольких служанок и управляющих. Старший молодой хозяин разговаривает с ними в главной комнате».

Линь Циньюй подошел к двери и уже собирался войти, когда услышал голос Лу Ваньчэна: «Вы – люди, посланные моими бабушкой и дедушкой по материнской линии. Я могу доверять вам. Я думаю, что мне не нужно этого говорить. Вы должны знать, что делать».

Незнакомый голос сказал: «Молодому мастеру Хоу не нужно беспокоиться. Мы сделаем все возможное, чтобы разделить заботы и невзгоды молодого мастера Хоу».

Лу Ваньчэн беспечно сказал: «Неправильно. Это не мои заботы вы будете разделять, а заботы шаоцзюня. Я все равно не смогу продержаться до следующей зимы. Когда я уйду, шаоцзюнь вернется в резиденцию Линь. Я желаю, чтобы перед отъездом он смог забрать с собой большую часть семейного имущества резиденции Хоу, и чтобы хозяин и госпожа Хоу не усложняли ему жизнь... Вы понимаете, что я имею в виду?»

После короткого молчания несколько человек в унисон сказали: «Мы будем следовать за молодым мастером Хоу и шаоцзюнем».

Лу Ваньчэн был вполне удовлетворен их ответом.

«Когда все закончится, вы будете щедро вознаграждены».

Линь Цинъюй почувствовал, как его сердце немного сжалось. Он не смог удержаться, закрыл глаза и вздохнул.

Лу Ваньчэн отослал людей. Он взял со стола чашку с чаем и только сделал глоток, как услышал «Приветствую шаоцзюня», доносящееся снаружи. Его рука замерла. Притворившись, что не слышит, он продолжал пить чай.

Линь Цинъюй вошел и сказал: «Молодой мастер Хоу».

Лу Ваньчэн сдержанно произнес: «Хм».

После того как Линь Цинъюй окликнул его, он больше ничего не сказал, как будто обдумывал свои слова.

В этом вопросе, касающемся его мужского достоинства, Лу Ваньчэн не собирался так быстро идти на компромисс. Было достаточно неловко, что он не смог взять на руки этого великолепного красавца, и теперь красавец так прямо лишил его мужского достоинства. Твою мать, как он мог стерпеть это?

Он не винил Линь Цинъюя. Как Лу Ваньчэн мог не знать, что лекарь Линь сделал это, чтобы продлить его жизнь? Но разве он не мог предупредить о подобных эффектах? Это страшно, понимаете? Он признавал, что был ленив, но, в конце концов, он все еще был мужчиной. Как он мог быть равнодушен к такого рода вещам?

Хе-хе, теперь он – импотент. Зачем ему уговаривать какого-то великолепного красавца? Такую великую красоту должны уговаривать главные герои, которые могут сделать семь подходов за ночь. А он должен просто лечь и ждать смерти.

Лу Ваньчэн поставил чашку с чаем и сказал: «Если ты здесь, чтобы извиниться, то не нужно».

Линь Цинюй сказал: «Ты слишком много думаешь. Я здесь не для извинений».

Лу Ваньчэн: «...» Вау, так властно.

Линь Цинюй поразмыслил и сказал: «Давай станем названными братьями?»

Лу Ваньчэн был поражен. Затем он рассмеялся от злости.

«Ты кастрировал меня, и теперь думаешь, что я все еще хочу быть твоим названным братом? Ты, должно быть, думаешь, что я – дешевка».

Линь Цинюй сказал, сдерживая свой гнев: «Я не кастрировал тебя. Твое бессилие вызвано лекарством. Несколько игл для иглокалывания – и ты будешь в порядке».

Лу Ваньчэн немного успокоился, однако насмешка не сходила с его лица.

«Не нужно ничего менять. Я думаю, что этот рецепт хорош. Я все равно не могу им пользоваться, так что мне должно быть все равно».

«Перестань шуметь. — Линь Цинюй наклонился ближе, мягким голосом он сказал: — Разве ты не всегда хотел, чтобы мы называли друг друга „братьями“*?»

[Примечание: Точная формулировка здесь такова: «Называть «сюн» и называть «ди». «сюн» означает старшего брата, а «ди» — младшего брата. «Сюн» и «гэгэ» означают «старший брат», но «гэгэ» более близкое обращение, а «сюн» больше используется для братьев под руководством одного и того же учителя/мастера.]

Слово «сюн» заставило Лу Ваньчэна поднять глаза и посмотреть на стоящего перед ним красивого человека, похожего на цветок сливы, упорно бросающий вызов снегу.

Если бы он мог заставить Линь Цинюй называть его «гэгэ», то для него нормально быть дешевой.

Лу Ваньчэн поднял брови.

«Ты это серьезно?»

Линь Цинюй кивнул.

«Даю слово джентльмена».

Лу Ваньчэн прикрыл губы и закашлялся, а затем сказал: «Тогда... давай заключим еще одну связь».

Ни один из них никогда не брался, поэтому Лу Ваньчэн просто сделал все так, как изображено в книгах, которые он читал. Он попросил Хуань Туна приготовить курильницу для благовоний, кинжал, абрикосовое вино и молитвенные коврики. Также он приказал поставить под карнизом небольшой столик, а все остальное было расставлено симметрично.

Хуа Лу никогда раньше не видела подобного, она с любопытством спросила: «Что делают молодой мастер и шаоцзюнь?»

Хуань Тун был в восторге.

«Разве ты не видишь? Они собираются стать названными братьями».

Глаза Хуа Лу расширились, и она вдруг испуганно спросила: «Кем стать?»

«Стать названными братьями, что-то вроде - „С этой чашей вина мы, братья, пойдем вместе“».

Большие глаза Хуа Лу были полны еще большего замешательства.

«Но они же уже женаты!»

Лу Ваньчэн взял кинжал и нерешительно сказал: «В книге говорится, что, когда приносишь клятву братства, нужно мазать углы рта кровью жертвенного животного в знак скрепления союза...»

Линь Циньюй решил думать, что играет в домик со своим младшим братом. Он сказал: «Тело, волосы и кожа человека — все это получено от его родителей. До тех пор, пока это делается искренне, мазать или не мазать губы кровью не имеет значения».

«Ты прав. — Лу Ваньчэн зажег три ароматические палочки и вставил их в курильницу. — Давай просто принесем клятву».

Они оба сжали в руках чашу с вином и опустились на колени на молитвенные коврики. Лу Ваньчэн торжественно произнес: «Боги Неба и Земли будут нам свидетелями. Сегодня мы, Лу Ваньчэн и Линь Циньюй, хотя и носим разные фамилии, решили стать братьями. Мы не стремимся родиться в один и тот же день, в один и тот же месяц и в один и тот же год, но... — Лу Ваньчэн сделал паузу, и с улыбкой изменил свои слова*: — В далеком будущем мы будем делить одну лодку, и даже камни будут булочками на пару. Мы будем работать как один, не заботясь о богатстве, даже простая кипяченая вода будет приниматься с радостью».

Линь Цинюй: «...»

[Примечание: Предыдущая клятва - та же самая, что и в «Романе трех царств»; она использовалась в Клятве Персикового сада между Лю Бэем, Гуань Юем и Чжан Фэем. Она заканчивается словами: «...Мы просто надеемся умереть в один и тот же день, в один и тот же месяц и в один и тот же год. Пусть Боги Неба и Земли засвидетельствуют то, что в наших сердцах. Если мы когда-нибудь сделаем что-нибудь, чтобы предать нашу дружбу, пусть Небеса и люди земли поразят нас насмерть». Поэтому, учитывая приближающуюся смерть ЛВЧ, он изменил ее на другую строку из клятвы другого рода, используемой между названными сестрами.]

Они вдвоем выпили вино для ритуала, и Линь Цинюй позвал Хуань Туна, чтобы помочь молодому мастеру Хоу встать. Увидев улыбку Лу Ваньчэна, Линь Цинюй холодно спросил: «Теперь ты счастлив?»

Уголки губ Лу Ваньчэна приподнялись в ухмылке.

«Конечно счастлив, я только что обрел хорошего брата. А как насчет тебя, Цинюй-диди*?» — сказав это, он выжидающе посмотрел на Линь Цинюй.

Линь Цинюй легко сказал: «Я в порядке, Ваньчэн-сюн**».

[Примечание: *Младший брат.**Означает «старший брат», но гораздо менее интимно, чем «гэгэ». А «гэгэ» еще иногда называют любовника.]

Улыбка на лице Лу Ваньчэна застыла.

«Нет, нет, нет, я называл тебя „Цинюй-диди“, так что ты должен называть меня „Ваньчэн-гэгэ“. Это будет справедливо».

«„Называть друг друга братьями“ - если не „сюн“, то что тогда?»

Лу Ваньчэн внезапно почувствовал себя так, словно его поразил гром среди ясного неба.

«...Линь Цинюй, у тебя нет сердца».

Линь Цинюй засмеялся и сказал: «Ты так долго поднимал шум по пустякам. Просто перестань уже. Давай вернемся. Ты должен выпить свое лекарство. После того как ты выпьешь его, я сделаю иглоукалывание и верну тебе мужское достоинство».

В середине апреля дождь наконец прекратился. Горизонт прояснился, на небе не было ни облачка, теплый ветерок трепал рукава. Это был хороший день для путешествия. Линь Цинюй больше не медлил и приготовился отправиться в храм Чаншэн.

Перед отъездом он зашел навестить Лу Ваньчэна. Тот уже проснулся, но все еще лежал на кровати, витая в мыслях. Кажется, он был в хорошем настроении и лениво поздоровался с ним.

Линь Цинюй сразу понял и с фальшивой улыбкой сказал: «Как говорится, „радость воодушевляет человека“. Похоже, лечение иглокалыванием сработало».

Лу Ваньчэн: «...Угу».

«Идеальное время. Дай мне взглянуть».

Лу Ваньчэна охватила паника, и он плотно завернулся в одеяло.

«На что взглянуть?»

Линь Цинюй легко сказал: «Я хочу увидеть то, о чем ты говорил. Нет ничего такого, чего бы не видели изучающие медицину люди. Тебе не нужно стесняться».

Лу Ваньчэн тихо сказал: «Цинюй, я заметил, что ты становишься все хуже и хуже».

Губы Линь Цинюй изогнулись.

«Разве молодой мастер Хоу не говорил, что ему больше всего нравится, когда я делаю плохие вещи?»

Глаза Лу Ваньчэна потемнели, и он мягко усмехнулся.

«Действительно. Если лекарь Линь хочет увидеть его, конечно, я должен согласиться. Но мне лень двигаться, так что мне придется побеспокоить вас, чтобы вы сами взглянули».

Затем Линь Цинюй пошутил: «Тогда просто забудь об этом. Все равно там не на что смотреть».

Лу Ваньчэн все еще хотел возразить, но его прервал Хуань Тун: «Молодой господин, экипаж готов».

Линь Цинюй выглянул в окно. Весна была в полном расцвете, солнце грело в самый раз. Он спросил: «Молодой мастер Хоу, не хотите ли выйти, чтобы развеять свою скуку?»

«Куда?»

«Храм Чаншэн».

Лу Ваньчэн на некоторое время задумался, затем улыбнулся и сказал: «Хорошо».

Так уж вышло, что он хотел увидеть кое-кого в храме.

И вот, Линь Цинюй вместе с Лу Ваньчэном и Хуань Туном поехали в храм Чаншэн в пригороде столицы.

Храм Чаншэн был самым главным храмом в Даюй, все в нем было спокойным и торжественным, задумчивым и созерцательным. Бесконечный поток паломников стекался в храм. Обычные люди могли только зажигать благовония и совершать богослужения в переднем зале. Задний двор был отведен для приема высокопоставленных чиновников или членов влиятельных семей. Именно здесь жил и совершенствовался один из заклятых врагов Линь Цинюй – учитель нации Даюй, который написал тот гороскоп из 8 знаков для резиденции Наньань Хоу.

Линь Цинюй всегда хотел спросить, как учитель нации рассчитал, что его 8 знаков принесут удачу Лу Ваньчэну. Была ли на самом деле Воля Небес или это было сделано намеренно? Знал ли учитель нации, что эта строка слов, которую он написал, чуть не разрушила жизнь невинного человека?

Жаль, что учитель нации круглый год находится в уединении. Помимо императора, даже императрице или наследному принцу было нелегко увидеть его, не говоря уже о других. А он был всего лишь супругой-мужчиной резиденции Хоу.

Их приветствовал монах, узнал их личность и почтительно сказал: «Это молодой мастер Хоу и шаоцзюнь. Пожалуйста, пойдите со мной. Неугасимые лампы мастера Хоу находятся в боковом зале».

Линь Цинюй сказал: «Достаточно будет только молодому мастеру Хоу увидеть неугасимые лампы. Я останусь здесь, чтобы воскурить благовония и помолиться о благословении».

Лу Ваньчэн равнодушно сказал: «Хорошо».

Болезнь Лу Ваньчэна была временно подавлена, но, в конце концов, он все еще был болезненным человеком и не мог остаться без сопровождения. Линь Цинюй попросил Хуань Туна пойти с ним.

Линь Цинъюй подошел к статуе Будды и попросил у монаха три ароматические палочки, зажег благовония и опустился на колени на молитвенный коврик. Он закрыл глаза, очистился от всех мыслей и вспомнил о своей семье.

Вставив благовония в курильницу, он вдруг вспомнил тот фарс с превращением в названных братьев, который был несколько дней назад. По какой-то причине ему захотелось смеяться.

Похоже, Лу Ваньчэну потребуется много времени. В передний зал и из него входило и выходило много людей. Затем монах попросил его пройти на задний двор и подождать. Линь Цинъюй последовал за маленьким монахом. По сравнению с передним залом, здесь было намного меньше людей. Извилистая тропинка ведет к тихому месту*. Все было элегантно и утонченно, тихо и достойно.

[Примечание: 曲径通幽 / qūjìng tōngyōu - «Извилистая дорожка ведёт к тихому месту», в переносном смысле - «чарующая природа».]

Линь Цинъюй всегда любил тишину. Сейчас он очень хотел прогуляться в одиночестве, чтобы успокоить свой разум. Он попросил маленького монаха идти вперед и один бесцельно пошел по узкой тропинке. Неожиданно в конце тропинки оказалась цветущая персиковая роща.

Среди благоуханья и пятнистых теней стоял каменный стол, и двое мужчин сидели друг напротив друга. Одним из них был красивый молодой человек, одетый в темно-красное - Лу Ваньчэн. Другой красивый мужчина был одет в голубое, с отрешенным от мирской суеты темпераментом, неподражаемый и незаурядный. У Линь Цинъюй было ощущение, что этим человеком должен быть учитель нации Даюй, Сюй Цзюньюань.

Сюй Цзюньюань, по общему признанию, был редкостно красивым мужчиной, но Лу Ваньчэн не только ничуть не уступал ему, он даже в какой-то степени одерживал верх.

Видя его томную и беззаботную позу, сидящего под цветущим персиковым деревом с цветами, падающими за ним как дождь, он был воплощением выдающегося и грациозного сына благородной семьи. Яркий юноша с выдающимся талантом и внешностью.

[Примечание: 玉树临风 / yùshù línfēng - «Нефритовое дерево на ветру». В образном значении - молодой и способный; юноша с выдающимся талантом и внешностью. Убийственный вид.]

А всего пару часов назад, лежа в постели, он был похож на выброшенную на берег соленую рыбу.

Этот человек слишком хорошо умел притворяться. В присутствии посторонних Лу Ваньчэн всегда казался ослепительным как сверкающий драгоценный камень, отражающий яркий солнечный свет.

Только перед ним он становился настоящим, отбрасывая благородные манеры.

Линь Циньюй не мог удержаться от мысли, что если бы только Лу Ваньчэн обычно имел хотя бы десятую часть своих манер сейчас, то какой груз можно было бы снять с его сердца?

Сюй Цзюньюань поднял рукав и лично помог Лу Ваньчэну заварить чашку чая.

«Что привело сюда молодого мастера Хоу, несмотря на плохое самочувствие?»

Лу Ваньчэн слегка кивнул. Он улыбнулся вежливо, но недовольно.

«У меня есть вопрос, по которому я хотел бы услышать мудрое мнение учителя нации».

Сюй Цзюньюань улыбнулся и сказал: «Молодой мастер Хоу может спросить».

Лу Ваньчэн медленно произнес: «В этом мире есть воскрешение из мертвых, или... перенос души в другое тело?»

Автору есть что сказать:

Некоторые благородные сыновья выглядят красиво и роскошно, но на самом деле их жены прописали им «отбирающие мужскую силу» лекарства [собачья голова]

<http://bllate.org/book/15122/1336633>